

Русский язык в массмедийном пространстве Литвы: к проблеме вариативности

Б. М. Синочкина

Вильнюсский университет, LT-01131, Вильнюс, ул. Университето, 5, Литва

Для цитирования: Синочкина Б. М. Русский язык в массмедийном пространстве Литвы: к проблеме вариативности // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 123–134. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu22.2018.110>

В статье на материале медиатекстов анализируются особенности языка русской диаспоры в Литве, отличающие его от языка, функционирующего на территории России. Рассматривается региональная специфика языка, обусловленная наличием местных реалий и влиянием языков инонационального окружения, а также изменения, вызванные обособленным государственным развитием, новым статусом русского языка и сужением сферы его функционирования, социалингвистической ситуацией в Литовской Республике, процессами глобализации. Выявляются основные тенденции в изменении неонимии на протяжении последних десятилетий и регулирующее воздействие массмедиа на процесс отбора потенциальных средств номинации. Рассматривается также роль сетевых изданий в выходе лексических новообразований за пределы Литвы. Отличия русского языка Литвы наиболее заметны на лексико-семантическом уровне, однако воздействие государственного языка титульной нации порождает также графико-орфографические и грамматические особенности, связанные прежде всего с необходимостью освоения литовской ономастики. В статье затрагиваются проблемы кодификации местной нормы. Наблюдения над национальными вариантами русского языка, складывающимися на территориях вне России, помогут получить представление об общей картине бытования русского языка в мире, увидеть сходное и различное в специфике его зарубежных вариантов.

Ключевые слова: русская диаспора в Литве, массмедиа, региональная специфика языка, нормализация и кодификация.

Постановка проблемы, цели и задачи исследования. Русский язык Литвы, функционирующий вне территории исконного бытования, всегда обладал некоторыми региональными отличиями от языка, существующего в России, объясняемыми наличием местных реалий и интерферирующим воздействием языков иноэтнического окружения. Распад прежде единого культурно-языкового и политического пространства, обособленное государственное развитие Литвы, изменение социалингвистической ситуации и статуса русского языка в Литовской Республике заметно ускорили и сделали более явными процессы языковой дивергенции. Цель настоящего исследования — выявить тенденции в изменении неонимии русского языка Литвы на протяжении последних десятилетий и установить основные факторы, определяющие судьбу потенциальных средств номинации. Более отдаленной задачей является разграничение отличий, специфических для русского языка

именно в Литве, от характерных для русского языка эмиграции в целом. Анализ русского языка Литвы наших дней находится в русле исследований, посвященных становлению русского языка как плюрицентрического.

История вопроса. Еще недавно внимание лингвистов привлекали лишь какие-то частные отличия, наблюдаемые в русском языке за пределами России и объясняемые влиянием контактирующих языков иноэтнического окружения. Литовские лингвисты описывали различные аспекты этого взаимодействия: специфику произношения [Плакунова 1974; Балшайтите 2007], передачу средствами русского языка безэквивалентной литовской лексики и ономастики [Синочкина 1989; Синочкина 1990], отдельные грамматические особенности [Бразаускаене 2000], влияние местных говоров и просторечия. Рассматривалась и специфика некодифицированной устной русской речи в Литве. Чаще всего в исследованиях фиксировались отклонения от норм литературного русского языка и уделялось внимание профилактике подобных ошибок. Из обобщающих работ о специфике русского языка Литвы следует назвать монографию Н. Авиной, содержащую и обзор литературы [Авина 2006].

Усиление вариативности языка в постсоветских странах позволило выявить тенденцию движения русского языка, который в условиях СССР представлялся монолитным и нормы которого воспринимались в идеале как единые и неизменные, к плюрицентризму. Плюрицентрическим считается язык, существующий в нескольких равноправных национальных вариантах [см.: Слыне 1992: 1–2; Шайбакова 2016]. К русскому языку данное определение стали применять лишь в последнее время [Verdicevskis 2014], одной из первых на развитие плюрицентризма в русском языке обратила внимание Е. Ю. Протасова [Протасова 2003: 2]. В настоящее время понимание единства русского языка в многообразии его вариантов, в том числе национальных, находит все больше сторонников.

Материал и методика исследования. Основным материалом для исследования послужили выходящие в настоящее время в Литве русскоязычные еженедельники «Обзор», «Литовский курьер», «Экспресс-неделя», сообщения ведущего новостного интернет-портала Delfi (<http://ru.delfi.lt>), а также некоторых других интернет-изданий, в частности российских сетевых, пишущих о Литве и странах Балтии. Материалы социальных сетей, различных форумов и блогов намеренно были оставлены за пределами исследования.

Выбор языка традиционных и электронных массмедиа в качестве объекта обусловлен тем, что он отражает язык общества и в то же время влияет на этот язык. «В условиях информационного общества культурно-языковое влияние наиболее активно осуществляется именно по каналам массовой коммуникации, при этом СМИ выполняют функции своего рода катализатора в формировании и протекании языковых процессов» [Добросклонская 2005: 46]. Живая разговорная речь быстрее и более разнообразно реагирует на изменения, происходящие в жизни общества, однако не всем многочисленным инновациям речеупотребления суждено остаться в языке. Анализ языка массмедиа, предполагающего целенаправленный отбор средств выражения, позволяет сосредоточить внимание на устоявшихся явлениях, системных и объяснимых отличиях русского языка Литвы от языка России. Кроме того, новообразования и отклонения от языка России, зафиксированные интернет-изданиями Литвы, сохраняются во времени, доступны удаленному

восприятию, т. е. трансграничны, что может способствовать, в случае востребованности неологизмов, их выходу за пределы Литвы.

В ходе исследования применялись описательный метод, а также сопоставительный с элементами дискурсивного анализа и статистического метода.

Региональный русский язык. Русский язык Литвы, как всякий язык, культивируемый за пределами своей этнической территории, и ранее обладал особенностями, не затрагивающими основ языковой системы, но отличавшими его в некоторых частностях как от русского языка России, так и от других «национальных» вариантов русского языка.

Бытующий в отрыве от основного этносоциума, в инациональном окружении, русский язык Литвы, естественно, подвержен воздействию этого окружения: результаты литовско-русского языкового контактирования можно проследить на всех его уровнях, не только в лексике. Это и специфика произношения, и отличия, пусть частные, в графике, орфографии, морфологии и синтаксисе.

Так, русского читателя, живущего за пределами Литвы, удивляет, а порой и раздражает графическая передача литовских имен собственных, нарушающая русскую традицию правописания: *Чюрлёнис, Некрошюс, Аникщяй*. Подобное употребление букв «я» и «ю» после шипящих при транскрибировании литовских антропонимов и наименований местности в Литве является официальным, обязательным. Кодификация осуществлялась в то время, когда русский язык использовался в Литве наравне с литовским: географические названия на русском языке наносились на географические карты, имена и фамилии вписывались в свидетельства о рождении, паспорта и другие документы, названия улиц и иные единицы микропонимки значились на табличках и указателях. Требования к русской передаче литовской ономастики оформлялись в виде инструкций, которые время от времени менялись, но всегда неукоснительно исполнялись в официальных инстанциях, издательствах и т. п. Сейчас старая норма отчасти разрушается, но новый узус уже складывается стихийно [см.: Синочкина 2012; Синочкина 2017]. Дело тут не в капризе литовских законодателей, а в том, что фонетические системы литовского и русского языков заметно различаются. Так, в русском языке шипящие «ж» и «ш» — всегда твердые, а «ч» и «щ» — всегда мягкие. Поэтому традиционное написание после них тех или иных гласных букв практически никак не сказывается на произношении. Есть же и в русском языке заимствованные слова, где после шипящих пишется «ю»: *брошюра, парашют, жюри*. Однако в двух первых словах написание «ю» не меняет привычного произношения предшествующей шипящей, а слово *жюри* с мягким «ж» произносят лишь люди, чья культура речи безупречна. В литовском языке шипящие являются парными по мягкости-твердости и могут этим своим качеством различать слова (ср., напр., разные фамилии *Žukaitis* и *Žiukaitis*, слова *šauliai* «стрелки» и *šiauliai* — название города). Нарушение русской орфографической традиции, таким образом, оправдывается стремлением более точно передать средствами русской графики аутентичное звучание литовского слова (*Жюкайтис, Шяуляй*).

В соответствии с местной нормой русского языка, кодифицированной в пределах Литвы, здесь говорят и пишут: *Я живу в Шяуляй; Он подошел к Нерис*. В первом случае название города *Шяуляй* воспринимается как существительное *pluralia tantum*, что препятствует его склонению по образцу существительных единственного числа, во втором — гидроним *Нерис* понимается как существительное

женского рода; в обоих случаях нормы русской грамматики нарушаются в силу того, что сквозь русское слово как бы просвечивает его литовский прообраз с присущими ему грамматическими категориями [Синочкина 1990]. Несогласованное определение в Литве нередко употребляют там, где в основном варианте русского языка встречаем согласованное.

Русский язык Литвы в силу коммуникативных потребностей осваивал местный ономастикон, адаптируя его фонетически, морфологически и графически [Синочкина 1990], в словарь включалось обозримое количество экзотизмов (этнографизмов), приживались в нем и коммуникативно ценные лексико-семантические инновации — результат культурно-языкового контактирования [Синочкина 1989].

Лексические регионализмы широко представлены в языке массмедиа, они функционируют в качестве нейтральных средств номинации наряду с общерусской лексикой. Из семантических неологизмов русского языка Литвы, не в последнюю очередь связанных с преобразованием медийного пространства, стоит упомянуть слово *ежедневник* в значении «ежедневно выходящая газета», а не «блокнот для ежедневных записей, деловой календарь», что можно объяснить не просто влиянием одного какого-то слова контактирующего языка, а давлением языковой системы. В русском языке в парадигме обозначений периодических изданий по регулярности выхода (*еженедельник* — *ежемесячник* — *ежегодник*) по сравнению с литовской (*dienraštis* — *savaitraštis* — *mėnraštis* — *metaštis*) опущен первый член ряда. И эта недостаточность восполняется в языке Литвы существующим русским словом, чья структура позволяет вписать его в этот ряд. Появление семантической инновации, таким образом, стимулируется не только межъязыковыми контактами, но и некоторой дефектностью лексической системы русского языка.

Из сообщений пишущих по-русски литовских журналистов или через тексты обзоров литовской прессы такое употребление проникает и в язык издаваемых в России массмедиа: *В Литве выходит три еженедельника на русском языке: «Экспресс-неделя», «Обзор» и «Литовский курьер», ежедневник «Республика», который с дневным опозданием даёт вчерашние статьи литовского варианта газет* (Тарасенко Д. Фантом русскоязычных СМИ Литвы // URL: <http://newsbalt.ru> 20.08.2013). Так лексико-семантические новшества Литвы попадают на экспорт.

Именно такие распространенные явления, обусловленные, с одной стороны, влиянием контактирующего языка окружения, а с другой — выправляющие асимметрию системы русского языка, имеют, по-видимому, шанс превратиться из речевой ошибки в факт языка, пусть регионального распространения. Интерференция «не обязана всегда оставаться интерференцией, т.е. отклонением от нормы: при частом повторении она сама может стать нормой» [Хауген 1972: 69]. Влияние языка коренного населения может проявляться в расширении семантического объема интернационального слова, освоенного русским языком, ср. *каденция* — не только категория гармонии, но и «срок полномочий, срок созыва», *термин* — не только «единица специальной лексики», но и «установленное время, срок». Подобное расширение или изменение семантики слов интернационального происхождения поддерживается и наличием их во многих иностранных языках, что с учетом процессов глобализации и возрастающей роли переводческой деятельности вполне может обеспечить их закрепление в таком качестве в стандартном русском языке.

Заимствованное из английского языка слово *тренинг* в языке Литвы может означать не только «тренировка, тренаж», но и «тренировочный, спортивный костюм». Употребленное в качестве *pluralia tantum* слово *тренинги* может означать «штаны от спортивного костюма»: *На мальчишке была синяя майка без рукавов, темно-синие тренинги, кеды* (Близкие просят о помощи в поиске 13-летнего ребёнка // URL: <http://ru.delfi.lt>. 2013. 9 июля).

Подобные местные единицы номинации стилистически нейтральны и используются в пределах Литвы без особых функциональных ограничений как удобное, экономичное наименование. Коммуникативное преимущество порожденных интерференцией единиц номинации заключается в том, что билингв может использовать практически одно и то же слово или выражение (либо их буквальный перевод) как удобное, лаконичное обозначение актуальной для данного сообщества реалии при переключении языковых кодов, экономя тем самым речемыслительные усилия. Нечастая фиксация этих популярных наименований в языке массмедиа объясняется лишь их отнесенностью к обиходно-бытовой тематике. Подобная лексико-семантическая интерференция, по сути, даже не осознается в двуязычной среде.

Состояние языка диаспоры, степень его подверженности влиянию иноязычного окружения во многом определяется конкретной социолингвистической ситуацией и статусом недоминирующего языка.

Изменение социолингвистической ситуации. Этноразноязыковая ситуация, как известно, складывается под воздействием ряда факторов, прежде всего демографических параметров, а также государственной национальной и языковой политики. В Литве русская диаспора количественно является самой маленькой из трех стран Балтии: перепись населения 2011 г. зафиксировала в Литве 177 тыс. этнических русских, что составляет 5,81 % населения страны (ср.: в Латвии — 26,9, в Эстонии — 24,8 %) [Results... 2013]. Несмотря на то что в Литовской Республике, восстановившей в 1990 г. государственный суверенитет, все ее постоянные жители вне зависимости от национальности, владения государственным языком и времени приезда в страну получили литовское гражданство, численность русского населения в последние десятилетия неуклонно сокращалась. Ср. убывающую процентную долю русских в общем населении Литвы: 1989 г. — 9,37 %, 2001 г. — 6,31, 2011 г. — 5,81, 2015 г. — 4,78 %, т. е. количество русских в Литве за годы независимости снизилось вдвое. Это уменьшение отчасти связано с отрицательным естественным приростом населения, но в большей степени — с эмиграцией.

Русское национальное меньшинство по численности занимает ныне в Литве второе место (после польского). Согласно данным последней переписи, 87,2 % этнических русских родным назвало язык своей национальности (в 2001 г. он был родным для 89,2 % русских). Русский язык считают родным представители некоторых других проживающих в Литве национальностей, что повышает общее количество носителей русского языка в Литве до 6 %.

Однако коренным образом социолингвистическую ситуацию в Литве изменил тот факт, что язык титульной нации стал государственным, а русский — языком одного из национальных меньшинств и иностранным, сузилось пространство его употребления, снизилась интенсивность использования. По ряду причин, в том числе коммерческих, до предела уменьшилось количество выходящих в Литве газет на русском языке, российские и другие вещающие на русском языке каналы трансли-

руются только по платному кабельному или спутниковому телевидению, сократилась сеть школ с русским языком обучения, русский язык исчез из публичного пространства, все объявления, бланки, инструкции (в том числе по назначению и приему лекарств) печатаются исключительно на государственном языке. Жизненная необходимость владения литовским языком, которая ранее не всегда ощущалась представителями нелитовской национальности, изменила и направление воздействия языков при контактировании, характер двуязычия и многоязычия в стране.

Вступление Литвы в Европейский союз (2004 г.), процессы глобализации потеснили русский в функции языка межнационального общения, где он уступает свои позиции английскому, что особенно заметно в молодежной среде.

Зарубежный русский. Язык зарубежья недаром рассматривают как отдельную сферу его существования. С обретением государственной независимости многое изменилось и в русском языке Литовской Республики, прежде всего в его лексике. С одной стороны, это вызывалось самим временем коренных преобразований, с другой, как уже отмечалось, — изменением статуса русского языка. О связи социального статуса языка с его подверженностью иноязычному влиянию писал в свое время У. Вайнрайх: «Отлучение языка от функций, придающих ему престиж, например от роли государственного языка, часто понижает его авторитет и уменьшает сопротивление интерференции, способствуя закреплению нововведений, вносимых двуязычными носителями» [Вайнрайх 1972: 56].

Кардинальные перемены в социальном укладе страны, реорганизация общественных институтов, административно-территориального деления, государственных структур и служб повлекли за собой ревизию соответствующих номенклатурных обозначений, вначале литовских, а вслед за ними и русских.

На заре независимости подбор русских соответствий к возникающим в большом количестве новым литовским названиям происходил в срочном порядке, и не все переводческие решения оказались удачными. Теперь, по прошествии четверти века, можно констатировать, что многие русские переводы наименований новых литовских государственных инстанций и учреждений, когда переводчики пошли по линии предельно точного, вплоть до буквализма, перевода, порождали нежелательные ассоциации, были лишены однозначности или страдали иными недочетами. Причина, возможно, кроется в том, что к русскому языку — языку прежней власти — в Литве относились с подозрением, как к проводнику советского. Новые английские наименования, соответствующие духу, а не букве архаичных литовских, лишены этих недостатков.

Однако язык — саморегулирующаяся система, и время определяет судьбу подобных единиц номинации. «Противоречие между тенденцией к общему, интернациональному, общечеловеческому и тенденцией к особому, этнически своеобразному находит каждый раз свое конкретно-историческое решение» [Розенцвейг 1972: 78]. Немалую роль в судьбе новых русских номинаций сыграли именно массмедиа.

Язык общества и массмедиа Литвы. Медийный язык и отражает языковую реальность, и воздействует на нее. Средства массовой информации играют важную роль в выработке и введении в широкий обиход новых номинативных единиц. Тиражирование неологизмов в русском языке Литвы осуществляют в основном выходящие здесь газеты, поскольку доля эфирного времени собственных радиопередач на русском языке в стране весьма незначительна. Медиатексты, с од-

ной стороны, дают представление о состоянии языка говорящего сообщества, об основных тенденциях в динамике языка в конкретный период, с другой — медиа активно воздействуют на речевую культуру своих адресатов, формируя языковые вкусы и предпочтения.

Так, именно массмедиа донесли до нас дату создания и «автора» слова *велобус*: В Вильнюсе начали курсировать автобусы для перевозки велосипедов и велосипедистов, названные столичными властями «велобусами» (В Вильнюсе появились велобусы // Обзор. 2016. 20 авг. URL: <https://www.obzor.lt/news/n22380.html>). Велобусы, по замыслу отцов города, курсируют на определенных маршрутах и призваны помочь велосипедистам преодолевать сложные участки пути — например, подъемы в гору. Трудно сказать, оправдывает ли себя эта новинка, но данное слово, являющееся семантическим неологизмом, нельзя признать удачной находкой. В русском словаре уже есть слово *велобус*, которое обозначает не автобус с возможностью перевозки велосипедистов, а автомобиль на коллективной велосипедной тяге. В Литве известна эта реалья, в том числе и в ее разновидности — *велобар*, когда крутящие педали люди сидят за столом и пьют пиво или безалкогольные напитки. Две лексемы с разными значениями в одной терминологической сфере, как известно, нежелательны. В России транспорт, приспособленный для перевозки пассажиров с велосипедами, называют *автовелобус*.

Нежизнеспособные наименования элиминируются в узусе, что, в частности, можно проследить по материалам массмедиа Литвы. Рассмотрим в качестве примера употребление слова *уезд*. Так официально называется наиболее крупная административно-территориальная единица Литовской Республики (всего их в стране 10), что находит отражение в законодательстве Литвы. Однако в живой русской речи слово *уезд* практически не встречается: носители русского языка предпочитают называть соответствующие территориальные единицы словом *округ*, переводя этой лексемой литовское *apskritis*. Такой перевод, по-видимому, провоцируется внутренней формой литовского слова (ср. *apskritas* «круглый», *apskritimas* «круг»), заставляя говорящих подыскивать нечто семантически сходное в русском. Кроме того, историзм *уезд* ассоциируется у русских с провинциальностью, захолустностью (ср. *губернский город* и *уездный город*). Отторжение официального наименования *уезд* наглядно демонстрирует и портал ru.delfi.lt.

Приведем статистические данные. Сочетание *Вильнюсский уезд* в разных падежах на портале, по моим подсчетам, встречается 35 раз. *Вильнюсский округ* — свыше 4000. Причем слово *уезд* зафиксировано в основном в сообщениях 2008–2009 гг., а также употребляется при цитировании первых лиц государства или передаче содержания важных официальных документов. Во всех прочих случаях предпочтению отдается более современному и нейтральному обозначению *округ*.

Еще одно крайне неудачное номинативное решение — название оборонного министерства, которое в результате буквального перевода с литовского имеет вид *Министерство охраны края*. В русском языке слово *край* полисемично, и значение «страна» находится на периферии семантической структуры слова. Кроме того, в текстах на литовском языке само собой предполагалось, что под словом *край* (лит. *kraštas*) подразумевается *Литовский край*, т. е. Литва. Необходимость указать государственную принадлежность оборонного учреждения в его русской передаче породила комично звучащее *Министерство охраны края Литвы*.

Видимо, поэтому в материалах портала ru.delfi.lt это официальное наименование нам встретилось лишь единожды в давнем употреблении: *Министерство охраны края Литвы предложило клайпедскому самоуправлению...* (Клайпеда: военный фрегат станет музеем // ru.delfi.lt. 2008. 25 февр. URL: <https://ru.delfi.lt/misc/culture/klajpeda-voennyj-fregat-stanet-muzeem.d?id=16085673>). Без упоминания государственной принадлежности неоднозначное название встречается несколько чаще (7 раз), но в подавляющем большинстве случаев предпочтение отдается более универсальному, современному названию: *Министерство обороны*. Так же, явочным порядком, массмедиа Литвы заменили официальное *Министерство хозяйства* на *Министерство экономики*, *Министерство сообщения* — на *Министерство транспорта и коммуникаций*, *Генеральную уредию* — на *Генеральную дирекцию государственных лесов* и т. п.

Видимо, не случайно именно ru.delfi.lt активнее других медиа модифицирует архаичные и неоднозначные официальные наименования: новостной ресурс существует исключительно в электронном виде, представлен в Литве на нескольких языках (литовский, русский, польский, английский) и функционирует (в тесном содружестве) во всех странах Балтии, что предполагает и известную унификацию номинативных средств. Так, наличие в Эстонии и Латвии колледжей должно стимулировать употребление данного слова применительно к однотипным учебным заведениям в Литве, которые здесь с начала восстановления независимости, вслед за литовским языком, получили наименование *коллегии*.

Разговорная речь в изобилии порождает новые наименования для неизвестных ранее либо ставших более актуальными реалий и явлений, порой в ней обновляются и названия старых, если неологизмы сулят какие-либо коммуникативные преимущества говорящим: являются более краткими, выразительными, обладают (в своей основе) общностью с соответствующими единицами контактирующего языка, что особенно важно для билингвов.

Однако наблюдения над лексико-семантическими новообразованиями свидетельствуют о том, что в русском языке Литвы действуют и иные факторы. Так, русскому языку Литвы практически неизвестны образные, метафорические, возникшие на основе различных ассоциаций разговорные наименования, распространенные в языке в России. Так, *микроавтобус*, в том числе используемый в качестве маршрутного такси, в Литве называют *микрушка* (в Литве слово употребляется применительно лишь к данной реалии, породив даже варваризм в ненормированной литовской речи — *mikruškė*, в то время как в России слово используется значительно шире и способно замещать названия различных предметов с компонентом *микро-*: это и микроволновая печь, и микросхема, и даже собака мелких пород). В Литве давно вошли в обиход полиэтиленовые пакеты (чаще, по аналогии с литовским, называемые *мешки*, *мешочки*), в том числе и с вырубными ручками, но их здесь никогда не называют *пакет-майка*. Нейтральное наименование *комиссионный магазин* в процессе универбации дает разговорное *комиссионка*, *комис*, но русскому языку Литвы, по моим наблюдениям, неизвестно слово *комок* в данном значении. Универсальные магазины самообслуживания, даже в пору их повсеместного распространения, в Литве редко называли *универсами* и никогда не использовали более экспрессивное *сам-бери*. Отсутствуют, естественно, подобные названия и в медийных текстах.

Приведенные наблюдения позволяют высказать предположение, что разговорные новообразования создаются в литовском варианте русского языка на собственной речевой базе, подчиняясь известным языку законам и находясь под сильным воздействием языка титульной нации, но не заимствуются из основного варианта русского языка. В Литве русским языком пользуются, но его творческий потенциал в полной мере проявляется в языке России, где с ним обращаются гораздо свободнее, изобретательнее и смелее. Об этом же свидетельствует и специфика заголовков литовских массмедиа, где почти полностью отсутствуют прецедентные тексты, как в исходном виде, так и трансформированные. В новостных заголовках крайне редко встречаются игра слов, аллюзии, явления интертекстуальности. Причины этого кроются как в традициях литовской публицистики, отличающихся от русской, так, возможно, и в том, что переводчики / редакторы новостных сообщений либо сами не владеют в должной мере базой прецедентных текстов, либо, вероятнее всего, не уверены, что в случае обращения к ней будут адекватно поняты читателями.

Феномен интертекстуальности предполагает общность фоновых знаний адресата и адресанта. Расхождения культурных и языковых картин мира различных национальных сообществ, стереотипов восприятия могут порождать непонимание в процессе межкультурной коммуникации. Так, слово *липа* (особенно его диминутив — *liepaitė*) у литовцев ассоциируется с образом юной стройной девушки, а слово *дуб* (*qžuolas*) — с крепким, крупного телосложения, физически сильным мужчиной. Данные слова в обоих языках встречаются в речевых клише, но с различной экспрессивно-эмоциональной окраской. В литовском языке устойчивые выражения *vyrai qžuolai* (мужчины-дубы) и *panos-liepaitės* (девушки-липки) комплиментарны. В русском же характеристика *дуб* (как и его производное *дубина*) применительно к мужчине явно негативна, ср. также сниженные устойчивые выражения *дуб дубом*, *дать дуба*, *с дуба рухнуть* и т. п. Слово *липа* в одном из значений также обладает негативной коннотацией (о чем-либо недостоверном, фальшивке, подделке), а его диминутив встречаем в сниженном устойчивом обороте: *ободрать / обобрать как липку*.

Избирательный подход демонстрируют русские медиа Литвы к новшествам топонимики: так, название соседнего государства употребляется почти исключительно в форме *Беларусь* (при сохранении *белорус*, *белорусский*), из форм *Украине* / *на Украине* предпочтение явно отдается первому варианту, но название столицы Эстонии сохраняется в традиционной орфографии: *Таллин*.

Из явлений последнего времени в языке массмедиа следует отметить расширенное употребление латиницы: названия литовских и зарубежных фирм, предприятий, торговых марок и т. п., которые раньше транслитерировались, теперь сохраняются в оригинальном написании и, как следствие, окончательно утрачивают возможности к формоизменению.

Выводы. Массмедиа Литовской Республики отражают особенности русского языка Литвы, всегда в какой-то мере отличавшегося от российского русского. С восстановлением Литвой государственной независимости этих различий, прежде всего в лексике, стало несравненно больше. Изменившаяся социолингвистическая ситуация и разрыв прежде единого культурно-языкового пространства активизировали процессы языковой дивергенции.

Русский язык в Литве не обладает никаким официальным статусом, а местная норма складывается в нем стихийно и не кодифицируется, поэтому именно русско-

язычные массмедиа осуществляют функцию своеобразного регулятора в сфере номинации. В процессе вытеснения из языка устоявшихся и используемых в русских законодательных текстах Литвы, но непонятных за пределами государства наименований особая роль принадлежит электронным массмедиа.

В целом же в языке русской диаспоры в Литве явственно ощущается отсутствие единых норм в той его части, которая отличает этот язык от основного варианта русского. Русский язык Литвы на данном этапе своего бытования, до кодификации местной нормы и фиксации дифференциальной лексики в справочниках и словарях, не может считаться полноправным национальным вариантом русского литературного языка.

Литература

- Авина Н. Родной язык в иноязычном окружении: на материале русского языка в Литве. Москва; Вильнюс: Эллис, 2006.
- Балшайтите Д. Особенности произношения носителей русского языка в Литве: безударные гласные в позиции после мягких согласных // Русский язык как иностранный: теория, исследования, практика. Вып. IX / науч. ред. И. П. Лысакова. СПб.: Сударыня, 2007. С. 244–251.
- Бразаускаене Е. Грамматические особенности русского языка в Литве // Русский язык сегодня. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 19–25.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.
- Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 38–54.
- Плакунова Т. Некоторые черты русского произношения в г. Вильнюсе // Mūsų kalba. 1974. No. 9. С. 15–26.
- Протасова Е. Ю. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: опыт Германии // Диаспоры. 2003. № 1. С. 27–47.
- Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972.
- Синочкина Б. Еще раз о передаче литовских имен собственных в русском тексте // Slavistica Vilnensis. 2012. № 57 (2). С. 127–140.
- Синочкина Б. Четверть века спустя, или Как это будет по-русски?: к проблеме нормализации русского языка в Литовской Республике // Slavistica Vilnensis. 2017. № 62. С. 207–224.
- Синочкина Б. М. Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка // Kalbotyra. 1990. № 41 (2). С. 17–24.
- Синочкина Б. М. О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве // Kalbotyra. 1989. № 40 (2). С. 75–83.
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
- Шайбакова Д. Является ли русский язык плюрицентрическим? // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. N VII/2. S. 257–268.
- Berdicevskis A. Predictors of pluricentricity: lexical divergences between Latvian Russian and Russian Russian // The Russian language outside the nation: speakers and identities / ed. by L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2014. P. 225–246.
- Clyne M. Pluricentric languages — Introduction // Differing norms in different nations / ed. by M. Clyne. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.
- Results of the 2011 population and housing census of the Republic of Lithuania: Ethnic composition of the population. 2013. URL: http://statistics.bookdesign.lt/esu_04.htm?lang=en (дата обращения: 15.08.2017).

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2017 г.;
рекомендована в печать 24 октября 2017 г.

Контактная информация:

Бируте Михайловна Синочкина — д-р гуманитарных наук, доц.; sinochkina@gmail.com

Russian language in the mass media of Lithuania: To the problem of variability

B. M. Sinochkina

Vilnius University, LT-01131, Vilnius, Universiteto str. 5, Lithuania

For citation: Sinochkina B.M. Russian language in the mass media of Lithuania: To the problem of variability. *Media Linguistics*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 123–134. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu22.2018.110> (In Russian)

The article analyzes the peculiarities of the language of the Russian diaspora in Lithuania, which distinguish it from the language of the metropolis, on the basis of the material of media texts. The main trends in the evolution of new means of expression over the past decades and the regulatory impact of the mass media are revealed. The role of online publications in the output of lexical neologisms outside of Lithuania is also considered. The differences in the Russian language of Lithuania are most noticeable at the lexical and semantic level, but the impact of the state language of the titular nation also generates graphic, spelling and grammatical features. The article touches upon the problems of codification of the local norm. Observation of the national variants of the Russian language, emerging in territories outside Russia, will help to get an idea of the general picture of the existence of the Russian language in the world, to see similar and different in the specific of its foreign variants.

Keywords: Russian diaspora in Lithuania, mass media, regional specificity of language, normalization and codification.

References

- Avina N. *Rodnoi iazyk v inoiazychnom okruzenii (na materiale russkogo iazyka v Litve)* [Native language in a foreign environment (based on the Russian language in Lithuania)]. Moscow, Vilnius, 2006. (In Russian)
- Balšaitytė D. Osobennosti proiznosheniia nositelei russkogo iazyka v Litve (bezudarnye glasnye v pozitsii posle miagkikh soglasnykh) [Features of pronunciation of Russian speakers in Lithuania (unstressed vowels in position after soft consonants)]. *Russkii iazyk kak inostrannyi: teoriia, issledovaniia, praktika* [Russian as a foreign language: theory, research, practice]. Is. IX. St. Petersburg, 2007, pp. 244–251. (In Russian)
- Berdicevskis A. Predictors of pluricentricity: lexical divergences between Latvian Russian and Russian Russian. *The Russian language outside the nation: speakers and identities*. Ed. by L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh, 2014, pp. 225–246.
- Brazauskienė E. Grammaticheskie osobennosti russkogo iazyka v Litve [Grammatical features of the Russian language in Lithuania]. *Russkii iazyk segodnia* [Russian language today], is. 1, pp. 19–25. Moscow, 2000. (In Russian)
- Clyne M. Pluricentric languages — Introduction. Differing norms in different nations. Ed. by M. Clyne. Berlin, 1992.
- Dobrosklonskaia T. Rol' SMI v dinamike iazykovykh protsessov [The role of mass media in the dynamics of language processes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhekul'turnaia kommunikatsiia* [Linguistics and intercultural communication], 2005, no. 3, pp. 38–54. (In Russian)
- Haugen E. Iazykovoi kontakt [Language contact]. *Novoie v lingvistike* [New in Linguistics]. Is. 6. Moscow, 1972, pp. 61–80. (In Russian)
- Plakunova T. Nekotorye cherty russkogo proiznosheniia v g. Vil'niuse [Some features of Russian pronunciation in Vilnius]. *Mūsy kalba*, 1974, no. 9, pp. 15–26. (In Russian)
- Protassova E. Russko-nemetskii bilingvizm i russkii iazyk: opyt Germanii [Russian-German bilingualism and the Russian language: A case-study of Germany]. *Diaspory* [Diasporas], 2003, no. 1, pp. 27–47. (In Russian)

- Results of the 2011 population and housing census of the Republic of Lithuania: Ethnic composition of the population. 2013. Available at: http://statistics.bookdesign.lt/esu_04.htm?lang=en (accessed: 15.08.2017).
- Rosenzweig V. *Iazykovye kontakty: lingvisticheskaia problematika [Language contacts: linguistic problems]*. Leningrad, 1972. (In Russian)
- Shaibakova D. Iavliaetsia li russkii iazyk pliuritsentricheskim? [Is the Russian language pluricentric?]. *Przegląd Wschodnioeuropejski [Overview East European]*, 2016, VII/2, pp. 257–268. (In Russian)
- Sinochkina B. Ieshche raz o peredache litovskikh imen sobstvennykh v russkom tekste [Once again about the transfer of Lithuanian proper names in the Russian text]. *Slavistica Vilnensis*, 2012, 57 (2), pp. 127–140. (In Russian)
- Sinochkina B. Chetvert' veka spustia, ili Kak eto budet po-russki? (K probleme normalizatsii russkogo iazyka v Litovskoi Respublike) [A quarter of a century later, or How to say it in Russian? (On the problem of normalization of the Russian language in the Republic of Lithuania)]. *Slavistica Vilnensis*, 2017, no. 62, pp. 207–224. (In Russian)
- Sinochkina B. Litovskaia toponimika i grammaticheskie normy russkogo iazyka [Lithuanian toponymy and grammatical norms of the Russian language]. *Kalbotyra*, 1990, no. 41 (2), pp. 17–24. (In Russian)
- Sinochkina B. O nekotorykh regional'nykh osobennostiakh russkogo iazyka v Litve [On some regional peculiarities of the Russian language in Lithuania]. *Kalbotyra*, 1989, no. 40 (2), pp. 75–83. (In Russian)
- Weinreich U. Odnoiazychie i mnogoiazychie [Monolingualism and multilingualism]. *Novoe v lingvistike [New in Linguistics]*. Is. 6. Moscow, 1972, pp. 25–60. (In Russian)

Author's information:

Birute M. Sinochkina — Dr. Sci. in Humanities, Associate Professor; sinochkina@gmail.com